

18+

Таня Томаси

Весь этот снег

Рассказы о любви

Таня Томаси

Весь этот снег. Рассказы о любви

«Издательские решения»

Томаси Т.

Весь этот снег. Рассказы о любви / Т. Томаси — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-561189-5

Несколько рассказов о любви. Действие рассказов происходит в Москве. Все рассказы хорошо заканчиваются, как и должны заканчиваться рассказы о любви.

ISBN 978-5-00-561189-5

© Томаси Т.
© Издательские решения

Содержание

Весь этот снег	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Весь этот снег Рассказы о любви

Таня Томаси

© Таня Томаси, 2022

ISBN 978-5-0056-1189-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Весь этот снег

1.

До Нового Года оставалось две недели, а молоденький Дед Мороз у дверей Новоарбатского гастронома уже играл на губной гармошке.

Дворник в оранжевой спецовке, с надписью на спине «Арбат», убирал лопатой ворох снега, блестящего как кусковой сахар.

На тротуаре, на лотке продавали фарфоровых кукол. Снежинки садились им на ресницы и платья, оставляя мокрые следы на фарфоровом румянце и нежном шелке.

Продавщица, прихлебывала из термоса горячий чай с коньяком. Она снова и снова заводила ключом куклу в синем бархатном платье с соломенными волосами.

Внутри куклы начинали петь колокольчики, поворачивая головкой с аккуратным пробормом, она оглядывая мир широко поставленными голубыми, как у маленьких котят, глазами, вдруг поворачивалась налево, чуть привставала, и начинала танцевать, двигая в такт звону колокольчиков, фарфоровыми руками.

Но это был танец трепещущей бабочки, привязанной за нитку, танцевали только ее руки.

Яна, смаргивая, налипающие на ресницы снежинки, смотрела на эту куклу, не отрываясь.

Ей хотелось плакать, но она не могла.

– Девушка, что с Вами? Вам плохо?

– Да, нет, ничего, ничего, ни – че -го...

Боль была теплой и сладкой. Снег таял на губах, оставляя вкус шоколада и Нового Года, который она снова должна была встретить одна.

2.

До Нового Года оставалась пятнадцать дней.

– Так не живут, – сказала Яне ее подруга Томаси.

– Но я живу.

– Это не жизнь. Вот, что это?

– Это Сережа. Это мы с ним в Питере. Идет снег. И коней на Аничковом мосту и нас с ним накрыло одной пеленой.

– Я вижу, что это Сережа и ты. Я это прекрасно вижу. Но я не понимаю, почему в юго-западном углу твоей комнаты, отвечающем за твою личную жизнь, висит портрет твоего бывшего мужа.

– Потому что.

– Вот поэтому в твоей жизни, нет перемен. Одна сплошная мерзкая снежная пелена, которая накрыла тебя с головой.

– Моя жизнь прошла.

– Это в двадцать пять лет. Нет, мы сейчас все исправим. Если для твоего счастья нужно переставить кровать и снять фотографию со стены, неужели, ты будешь против?

– Томаси, делай что хочешь.

– Да-да, а вот сюда повесим музыку ветра.

Зеркало, в котором отражается входная дверь. Понимаю, почему у тебя никогда нет денег.

– Неужели ты думаешь, что, если ты перевесишь зеркало, деньги появятся.

– Конечно, сначала появятся возможности, а потом деньги.

– Так, твое число богуа. Помоги переставить диван к этой стене.

Ой, что это шевелится, Яна?

– А, это мой кот Боб. Он спит. Мы тихонечко диван передвинем. Томаси, ты во все это веришь?

– Верю, не верю, а это работает. Могу поспорить, что уже через неделю в твоей жизни кто-то появится.

Ага. Два года никто не появлялся, а через неделю появится, с доставкой на дом, – сказала Яна, задевая головой музыку ветра.

3.

До Нового года оставалось восемь дней. Снег из Питера сплошной стеной шел в Москву. Метель мела, закругляя углы, пеленала прохожих в жгучие потоки холодного ветра.

«Ветруй, питерская метель! Ветруй, метель московская!».

И пока Петр Петрович Вильямс сходил с «Красной стрелы», на московскую землю, Яна, протирая тряпкой подоконник окна на двадцатом этаже дома, что на Новом Арбате, смотрела на прохожих.

С высоты – вид на Старый Арбат был похож на картину Брейгеля «Зима».

Бежала черная собачка, дворники сбрасывали с крыш пятиэтажных домов легкие, как накрахмаленные газовые юбочки снежинок на детском празднике, ворохи снега.

Люди на белом тротуаре казались сверху маленькими черными фигурками. Была видна светлая мельниковская круглая башня. Весело в летящем снеге темнели бойницы ее окон.

И как великолепный новый медный самовар сиял купол Храма Христа Спасителя. В воздухе пахло свежемолотым кофе и снегом.

«Какой чудесный вид. Может быть, и в самом деле что-то в моей жизни переменится?»

Скоро Новый год. Взойдет укроп и петрушка в ящике на кухне. Для Бобося я высажу овес. Небо поголубеет, день увеличится. В Рождество вся округа зазвенит колоколами, радуясь, Бог родился!

В прихожей зеркало, перевешенное Томаси, отражало гору каких-то кофров и черную хищную треногу.

Хозяин этого безобразия подтянутый светловолосый тридцатилетний мужчина с льдистыми, вспыхивающими синевой глазами, по-хозяйски открыл дверь из кухни.

Разрешите представиться, Петр Петрович Вильямс. Ваши соседи любезно сдали мне комнату до первого июня сего года.

– Яна. Живу здесь. Будем соседями. Это Ваши вещи?

– Так точно. Я увезу их в фотостудию к другу сегодня вечером. Яна у Вас есть доступ в Интернет?

– У меня и компьютера-то нет.

– Ясно. Тогда не позволите ли воспользоваться Вашим телефонным аппаратом часа на четыре.

– Это каждый день часа на четыре? Простите, как вас называть?

– Петр или Петр Петрович. Нет, что Вы. Я уже пригласил мастера, завтра сделают расширенный доступ в Интернет к провайдеру, и получу некоторую независимость от телефонной линии.

– Конечно, пользуйтесь. Телефон есть в коридоре, на кухне. Кстати, на кухне Ваш стол и холодильник. Там Вам будет, наверное, удобней. Мы здесь соседствовали с Каролиной Вацловной. Ее сын Юрий Карлович забрал к себе.

– А Вы чем занимаетесь?

– Убираю в государственном учреждении – здесь на Новом Арбате – двадцатый этаж.

– Как это удачно.

– Удачно, что я уборщица?

– Нет, что двадцатый этаж. Видите ли, я в некотором роде фотограф. Было бы прекрасно, если бы Вы помогли мне снять панораму Старого и Нового Арбата с точки двадцатого этажа.

– Я не знаю. Все это как-то сразу.

– Чтож, Москва бьет с носка.

– А Питер бока вытер.

– Знаете у меня такое ощущение, Яна, что мы с Вами знакомы. Вы случайно Сергея Ермилова не знали.

– Случайно он был моим мужем два года назад.

– Мир тесен.

– Да, Петр Петрович, он так тесен, что не протолкнешься.

– Странно, Яна, но в Интернете есть информация, что Вы умерли.

– Как это мило. И что пишут?

– Да, так ничего.

– Никаких подробностей? Жаль.

– Пишут самоубийство.

– -Что ж, передайте в Интернет всем от покойницы привет. А теперь Петр Петрович, я могу быть свободна?

– Яна, Вы свободны!

4.

Он меня бесил, Петр Петрович Вильямс. Он мне напомнил то, о чем я хотела бы забыть. Меня не удивило, что меня «убили» в Интернете.

Я умерла тогда, два года назад в Питере, когда потеряла голос, а вместе с ним и мужа, который меня бросил.

И теперь, я лежала на диване, отчаянье вошло в меня и меня совсем не осталось.

Полтора года назад, когда я приехала из Питера мне было так же плохо, как сейчас нет, мне было еще хуже.

Отчим хлопотал вокруг меня, устроил в клинику. Фониаторы, борьба за утраченный голос, больничные палаты.

И молчание, молчание и молчание. Я не о чем не думала. Сначала я ждала, что Сережа приедет и считала часы до его приезда, потом дни, потом недели, а потом ожидание растворилось в молчании. Сначала молчание было белого матового света, как снег, который летел в окна, а потом этот белый цвет становился все темнее и темнее пока, не стал сизо-черной дырою-полынью. По краям этой полыньи были те, кому было еще хуже чем мне из отделения травматологии. Им я помогала, все так же молча.

А потом ко мне в больницу пришла моя учительница и принесла котенка. Он был маленьким и весь помещался в ладони, как маленький боб. Там на ладони он потягивался, оглядывался и умывался.

Каждый день Анна Сергеевна приходила ко мне в палату и приносила с собой котенка. И я начала поправляться. А когда я вышла из клиники, Боб, ставший взрослее на месяц, поселился в комнате у меня в коммуналке в Серебряном переулке.

И сейчас, когда отчаянье накрыло меня с головой я почувствовала, что мне в бок тыркнулся Боб, устроился поудобней и замурлыкал и мне стало легче. Когда тебе плохо говорила Томаси, пиши хокку.

Хокку, как молитва лучшее средство от отчаянья.

5-7-5 – это слоги в трех строчках, считай их, как вдохи и выдохи. Ты встанешь лицом к лицу с Природой и повернешь к ней свое сердце. Может быть Тебе будет больно, но дыхание твоей души выровняется, и ты снова обретешь связь с миром и внутренний покой.

Чашка разбилась.
Не Склеивай —
Воды не налить.

5.

Я бесил Яну. Но это было лучше ее равнодушия.

Я знал ее равнодушие наощупь, каждый квадратный сантиметр стены, которая нас разделяла.

Кто был для нее я? Фотограф тусовки. Она писала тексты и пела, Ермилов сочинял музыку и делал аранжировки, а я фотографировал.

Два года, с тех пор как мне сказали, что она умерла в Москве, я пытался ее забыть.

Я фотографировал. Мои работы выставлялись в Москве, Амстердаме, Париже, Венеции. Я работал, чтобы забыть ее и все время помнил.

Как-то получилось, что все остальные женщины перестали для меня существовать, была только Яна и ее не было в живых.

Но оказалось, что она жива.

Узнать ее адрес оказалось совсем просто. Я знал ее имя и фамилию, место и год рождения. Два года моей жизни отправились коту под хвост.

В Мосгорсправке ее адрес дали моему агенту за пятнадцать минут. Еще два дня ушло на то, чтобы выйти на ее соседей по коммуналке.

Знать, что она жива, что она рядом.

И вот теперь Яна ненавидела меня, я напоминал ей прошлое, успех.

Тени под глазами, бледная. Ее старенький холодильник «Бирюса» рассказал мне о ее жизни за последние два года все: ополовиненный пакет молока, рыба для кота, пакет с рисовой крупой, одинокая банка рыбных консервов: частичка в томате.

На крашенной полке в ванной дешевый шампунь, ни косметики, ни духов. Два чистых махровых полотенца застираны до дыр.

Обстановка в ее комнате говорила даже не о бедности, а о нищете и огромном чувстве собственного достоинства хозяйки. Вещи лежали по своим местам. Только над маленьким письменным столом на листочках, приколотых кнопками виднелись, написанные от руки японские трехстишия-хокку.

Ох, уж эти хокку! Ее боль становилась моей болью так просто, что у меня дух захватывало.

Одиночество

Тычет пальцем в тебя.

Замри до весны!

Я переставил диван в своей комнате. Стена между нами была в три кирпича и я не мог слышать ее дыхания, но иногда мне казалось, что она плачет.

До Нового Года оставалось десять дней. Надо было что-то делать. Мне все труднее было сдерживать себя. Я хотел накормить, согреть ее, защитить, быть с ней. Яна смотрела на меня как на пустое место занятое ненужной ей громоздкой вещью.

6.

С тех пор как Петр Петрович стал жить в нашей квартире, все стало меняться на глазах.

Неделю назад я приехала от отчима, которого навещала по субботам, к себе на Серебряный, зашла на кухню и не узнала ее. Старенький дощатый пол, который позапрошлым летом я покрасила темно-рыжей краской был заменен ламинантом и сиял так, что в него можно было смотреться как в зеркало.

Как-то особенно убого смотрелся здесь теперь мой белый крашенный шкафчик для посуды.

Газовая плита, мойка, обеденный стол, холодильник соседа «Бош», угловой диван, табуретки- все было новым.

Когда Петр Петрович, постучавшись, заглянул ко мне и спросил, не мешает ли мне ремонт, я промолчала.

За два дня стена в кухне покрылась палевой керамической плиткой. В углу на висячей подставке нашел себе место маленький белый телевизор.

Каким холодным был этот декабрь, по улице не походишь. Ветер задувал в полы моего пальто, о чем-то назойливо спрашивая.

Все свободное время я проводила, греясь в магазинах, читая книги, сидя в читальном зале Чеховской библиотеки или стоя у полок отдела поэзии магазина «Дом книги» на Новом Арбате.

Арбат украсился гирляндами. В магазинах пирамиды фруктов и детские подарки напоминали, что Новый Год совсем близко.

На Серебряном ремонт был в самом разгаре. Я не понимала зачем человеку, снявшему комнату в коммуналке на полгода, нужно оплачивать ремонт мест общего пользования, менять трубы и облицовывать мрамором стены ванной, до тех пор, пока не позвонила отчиму и не услышала от него, что все три комнаты уже три дня назад с его согласия, проданы Юрием Карловичем Петру Петровичу Вильямсу за семьдесят тысяч американских долларов.

Это означало, что теперь Петр Петрович стал хозяином на Серебряном.

Он и его вещи заполнили собою всю квартиру. Квартира менялась на глазах. И я стала ждать, что он постучит в мою комнату и скажет: «Яна я нашел вариант. Однокомнатная квартира в Митино, 40 минут на автобусе до метро. Избавим друг другу от неприятного соседства»

А пока я старалась, как можно меньше времени проводить дома. Я стеснялась своих старых футболок и джинсов, своего детского мыла и выцветших полотенец среди его стильного мужского парфюма и блестящего агрегата для бритья.

Петр Петрович чем-то напоминал мне Питер стремительный, умыщенный, тяжелый в полете, ослепительно стальной, смертельно опасный, мой прекрасный город, заполняющий собою твою душу до самых краев.

Питер выдавливает из тебя жизнь, стихи, голос, как художник краски на свою палитру, чтобы потом выбросить ненужную, пустую тубу вон.

Главное- картина, творчество!

Москва лечила меня, позволяла жить, гнездилась вокруг меня. Каждый ее переулок, уголок, ветошка обещали мне еще один день жизни. Питер требовал результата и не прощал слабости.

Москва хранила, Питер требовал, чтобы каждое мгновение было бытием и я слушалась его пока у меня были силы и голос, наполняя этот город своею любовью, я пела его.

«Ты все пела – это дело...»

Сон души. Страшно
Проснуться в другом теле —
Теле стрекозы.

Москва спрятала меня в свой воробьиный рукав и грела. Питер продувал насквозь и заострял мысли.

Как я любила его, и как этот город любил меня, пока я его пела, и как брезгливо отшвырнул, когда у меня не стало голоса.

И вот теперь в мою жизнь, в мой Серебряный переулок Питер явился собственной персоной – Петром Петровичем Вильямсом. Высоким, ладным с военной выправкой, с движениями души стремительными и опасными, как полет стрижа.

На этот раз, когда я пришла домой, рабочие ставили стеклопакеты в трех комнатах моего соседа и на кухне. Вся квартира была выстужена снежным сквозняком.

Питер, Петр Петрович ты меня достал, как же я тебя ненавижу. Ну, за что мне все это?

7.

Вечером ко мне постучался Петр Петрович.

– Яна, я не достал Вас этими переменами?

– Петр Петрович, мне некуда уехать. Ведь это и мой дом тоже, не только Ваш. За что Вы меня так выживаете отсюда?

– Я просто хотел, чтобы к Новому Году и Вы и я жили в отремонтированной квартире. Разве Вам это не нравится? Все расходы я беру на себя.

– Меня вполне устраивала моя прежняя жизнь и квартира.

– Может быть Вас, Яна, это и устраивало, но я не могу жить в квартире, где на голову падает штукатурка, трубы текут, а коридор заставлен шкафами с рухлядью. Кстати о шкафах. Завтра приедут за вещами Каролины Вацлавны и заберут эти шкафы. До Нового Года семь дней. Я думаю, что строители успеют отремонтировать коридор и мои комнаты.

– — Да делайте что хотите.

Петр Петрович улыбнулся, сверкнув глазами.

– Да, сначала увезут шкафы Каролины Вацлавны, а потом меня?

– Вас?

– Мне придется уехать?

– Куда уехать, Яна?

– Не могу же я жить среди этого великолепия.

– А почему не можете?

– Не знаю. Я из какой-то другой жизни. Жизни, где не хватает денег до зарплаты, где джинсы носят по десять лет, ходят в церковь и не смотрят телевизор, потому что его нет.

– Но нам ведь придется жить теперь вместе.
– Вместе?
– Ну, в одном и том же месте. Давайте как-нибудь поможем друг другу, стерпимся что ли.
– Ага, стерпимся – слюбимся, а расходы Вы берете на себя.
– Что?
– Как я могу Вам помочь? Чем?
– А Вам Яна не нравится, какой становится Ваша квартира?
– Нравится, наверное, только моя жизнь во все это не вписывается.
– Понял. Вы меня ненавидите за то, что я все это затеял, Вас не спросив?
– Да нет, Петр Петрович. Вы ведь хотели как лучше. В бедности Вам жить неприятно, а деньги у Вас есть. Жаль только, что я здесь живу, правда?

– Нет, не правда. Это Ваш дом и я хочу, чтобы Вы здесь оставались.

– Теперь уже не только мой.

– Я часто уезжаю. Меня по несколько месяцев не будет. И потом я обещаю Вам, что никого не буду сюда приводить. Ну, что объявим новогоднее перемирие?

– Пожалуй.

И Петр Петрович опять улыбнулся мне своей улыбкой страшной, как сабельный удар.

8.

На следующий день действительно увезли шкафы и мебель Каролины Вацловны. Сделано это было, когда я была на работе, а когда я вернулась, оказалось, что наш коридор, переходящий в квадратный холл пуст и огромен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.